

А.В. Скиперских

**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ**

Представляется взгляд на практики работы с культурной памятью в современной российской провинции. В условиях постепенного ухудшения социально-экономической конъюнктуры именно провинция оказывается наиболее уязвимым пространством с точки зрения социальной и политической стабильности. Провинциальные политические элиты начинают испытывать дефицит смыслов, что в итоге сказывается на их легитимности. Отсюда кажется объяснимой попытка обращения власти к нарративам, позволяющим обеспечить широкий общественный консенсус. Подобные нарративы присутствуют в истории России и СССР, что моментально способствует их актуализации в новых практиках коммеморации. Автор убеждён, что правильно сконструированное мемориальное пространство может наделить правящую элиту дополнительными возможностями для политической легитимации.

Ключевые слова: власть; культурная память; культура; легитимация; провинция.

В последнее время в политическом дискурсе становится заметным тренд на изучение практики работы с памятью. Мемориальная культура всё чаще выступает объектом исследования, представляя интерес для политической науки. Становится очевидным, что политической и культурной памятью может обладать не только отдельно взятый человек. Общество также может иметь определённую память, вокруг которой могут конструироваться политические практики. Безусловно, политическая память как память о событиях, связанных с политическим процессом, способствующая формированию устойчивого отношения к тем или иным фактам, может значительно способствовать легитимации политической власти, находящейся в постоянном поиске новых источников и смыслов, подпитывающих её тело.

Политическая память обладает различными формами жизни, что подтверждается в работах зарубежных и российских исследователей.

Так, П. Бурдье разделял *объективированную память и габитус*. К объективированной памяти следует отнести объекты материальной культуры (вещи, машины, здания). Габитус имеет непосредственное социальное измерение, включая в себя вкус, привычки, существующие отношения и иерархии [1. С. 272].

Субъекту оставляется право выбирать, каким образом и как ему взаимодействовать с формами памяти. М. Хальбвакс здесь говорит о *внешней* памяти (исторической и социальной), противопоставляя её *внутренней* (автобиографической и индивидуальной) [2. С. 8–27]. Обе формы памяти постоянно взаимодействуют, то гармонически соотносясь друг с другом, то, наоборот, порождая причудливые диссонансы.

А. Эткинд говорит о *твёрдой* и *мягкой* памяти. Твёрдая память – то, что выступает хранителем информации. Мягкая память – идеология, мифы, смыслы. Разумеется, и твёрдая, и мягкая память оказываются зависимыми от политической конъюнктуры. Преимущество твёрдой памяти в том, что она объективируется

в зримо наличных объектах, концентрирующих в себе прошлое. «Возводя памятники, государство запечатлевает свои представления о самом себе в том виде, как они складывались на протяжении истории, и так конструирует собственное величие», – считает А. Эткинд [3. С. 225].

Нужно понимать, что в целях оптимизации управления политическая власть может быть весьма заинтересована в том, чтобы отдельно взятый человек рассуждал в интересах самой власти. Акценты на практиках работы с прошлым, меняющихся в интересах самой власти интерфейс, окружающий индивида, в последнее время становятся всё более заметными. Власть стремится способствовать максимальному погружению индивида в искусственно конструируемую реальность, представляющую собой странный коллаж из фактов и концептов. Подобное конструирование «сверху», безусловно, имеет свои издержки и порождает справедливые вопросы, потому как вокруг каждая мемориальная доска изначально обладает определённой дискурсивностью. Рядом с каждым объектом памяти восстают полузабытые герои, по замечанию К. Паустовского, «вновь оживая в тех местах, где, может быть, эхо до сих пор хранит их голоса» [4. С. 406].

В данной статье автор акцентирует своё внимание на том, как осуществляются практики работы с памятью в российской провинции. В качестве примера отдельно взятого политического локуса автором взят г. Елец Липецкой области с населением 100 тыс. человек. Исследовательский фокус обращён на особенности практик коммеморации и их содержание – мемориальные доски, установленные на тех или иных городских объектах и по-своему рассказывающие историю самого города. Безусловно, данная история излагается самой властью и не таит в себе каких-либо деструктивных последствий для неё. Другое дело, что увеличение количества мемориальных досок приводит к их странно-му комбинированию и, равно как и сосуществование в

рамках одного политического локуса различных взглядов и оценок одного и того же исторического факта, ставит власть в не совсем удобное положение. Так память проявляет свои «температурные» свойства, меняясь от *горячей* памяти – к *холодной* памяти [5].

Елецкий кейс: объекты мемориальной культуры и политика муниципалитета. Из официального ответа администрации г. Ельца на запрос автора следует, что на момент обращения (август 2016 г.) в городе было установлено 106 мемориальных досок. Процесс установки мемориальных досок в Ельце продолжается вплоть до настоящего времени. Администрация г. Ельца, как правило, привязывает установку к каким-либо праздничным датам, насыщая тем самым культурное пространство новыми формами памяти.

Нужно понимать, что «память всегда испытывает дефицит пространства» [Там же. С. 176]. Это заставляет память намеренно проникать во все сферы общественной жизни, что превращает её в важный ресурс власти.

Любая инициатива, касающаяся преобразования городского пространства, нуждается в санкции власти. Власть показывает заинтересованность в процессах коммеморации, но по тем правилам, что диктует она сама. Поэтому процесс появления мемориальных досок в г. Ельце оказывается прерогативой городской администрации. Так, в ст. 33 Устава городского округа Елец, определяющей компетенцию органов местного самоуправления, как раз говорится о том, что именно местная власть отвечает за установку памятников, мемориальных досок и иных памятных знаков [6].

Отсюда все 106 мемориальных досок, установленных в Ельце, должны в идеале являться свидетельством неустанного внимания городской власти к проблемам сохранения культурной памяти. Данное установление можно принять за основу только с определёнными натяжками. Безусловно, процесс коммеморации связан и с рядом серьёзных ограничений. К сожалению, процесс коммеморации в рамках Ельца не может избежать политической обусловленности. Это во многом объясняет странное утрачивание ряда мемориальных досок, связанных с памятью, отношение к которой постепенно перестаёт связываться с широким общественным консенсусом. Местная власть в определённых случаях демонстрирует какую-то непонятную терпимость к утрачиванию мест памяти, невольно способствуя их забвению и стиранию с мемориальной карты городского культурного пространства.

Информация, предоставленная администрацией г. Ельца, потребовала проверки. Удостовериться в наличии мемориальных досок было не так уж и сложно, учитывая небольшие размеры самого города и высокую концентрацию культурной памяти в городском центре. Нас интересовало фактическое количество мемориальных досок, сохранившихся на городских поверхностях. Простой подсчёт выявил наличие 95 мемориальных досок на начало 2017 г. Судьба остальных 11

остаётся неизвестной. Истории утрачивания мемориальных досок могут иметь как политические, так и иные смыслы, но отсутствие более или менее конкретной реакции городской власти настораживает.

Нужно понимать, что мемориальные доски в культурном пространстве Ельца не появились одновременно, они отмечают результат работы с памятью ещё и в период советской власти. По этому поводу, на наш взгляд, достаточно убедительно высказалась А. Ассман, когда отметила, что «высокое и низкое насаждается насильственным путём» [5. С. 184].

Акценты коммеморации и елецкий культурный текст. С определённой долей условности установленные в Ельце мемориальные доски можно представить в нескольких группах. Акценты практик коммеморации останавливаются на 6 сюжетах: революция 1917 г., Великая Отечественная война, афганская и чеченская кампании, культурное наследие знаменитостей, инициативы благодарных потомков и репрессии. Отмеченные сюжеты, безусловно, не выглядят равнозначными, если исходить из количественных характеристик коммеморации и стремления городской власти максимально представить факт установки доски в информационном пространстве Ельца. Как раз данные различия и позволяют нам сделать вывод о том, что власть может быть заинтересована в расширении некоторых сюжетов коммеморации, поскольку видит в них определённый легитимационный потенциал.

Акценты политики коммеморации в значительной степени связаны с особенностями исторического и культурного прошлого города – власть исходит из существующих мифов, которых как раз и может быть достаточно для формирования отношения к прошлому.

Революция и мемориальная культура в Ельце. В Ельце не остаются без внимания события революции 1917 г. Советское прошлое – по-прежнему достаточно сильный нарратив, влияющий на топонимические политики. Советский культурный текст практически не подвергается критическому переосмыслению. Этому можно найти объяснение, потому как в течение довольно долгого периода времени (уже в период демократизации) власть и в Липецкой области, и в Ельце принадлежала элите, симпатизировавшей КПРФ.

Истоки подобных симпатий, возможно, следует искать в особых культурных кодах. В частности, революционные события 1917 г. положили начало политическому строительству в самом Ельце. Вплоть до середины 1918 г. существовала Елецкая советская республика, эмитировавшая собственные бумажные деньги и почтовые марки. Новая политическая элита встречалась с В.И. Лениным, одобрявшим опыт ельчан в новом институциональном и политическом строительстве [7. С. 73].

Даже в период демократизации «левые» ориентации политической элиты обращали на себя внимание. Так, в 1990-х гг. в городе всё ещё существовали бесплатные общественный транспорт и таксофоны. Левые и даже анархические смыслы до сих пор так или иначе прояв-

ляют себя и в новой политической реальности, когда любые проекты, связывающиеся с инициативами власти, встречают определённое сопротивление.

Приведённые в качестве примера исторические факты, в принципе, объясняют присутствие «революционного» сегмента в мемориальной культуре. Доля данного мемориального сегмента составляет 5,5% (5 мемориальных досок). Нужно понимать, что постепенно данная доля существенно снижается за счёт других акцентов политики памяти. Ротация политической элиты в Ельце привела к власти людей, для которых советское прошлое не выглядит авторитетным, что во многом объясняет их устранение от попыток по-новому «рассказать» в Ельце советскую историю. В определённой степени способствует этому и федеральный тренд. Российская власть до конца не выработала отношения к событиям 1917 г., что оставляет эту тему за скобками политики памяти. Есть ощущение, что не предвидится активизации городской власти в «твёрдой» коммеморации и накануне столетия революции 1917 г. и она будет ограничиваться «мягкими» формами – лекториями, конференциями, круглыми столами.

Великая Отечественная война в объектах мемориальной культуры в Ельце. Самым важным событием, обращающим на себя внимание городской власти, является Великая Отечественная война. Сюжеты, связанные с героическими событиями 1941–1945 гг., являются наиболее популярными в практиках фиксации их мемориальными досками. Нужно отметить, что власть продолжает использовать героическую энергию в интересах собственной политической легитимации, что во многом объясняет её особенное усердие в показательных открытиях памятных досок и в новой культурной и политической реальности.

На наш взгляд, существуют три важные причины высокого внимания городской власти к теме Великой Отечественной войны.

Во-первых, это непосредственное положение Ельца в период Великой Отечественной войны, который в течение долгого времени, несмотря на удачную Елецкую операцию как часть победы советских войск под Москвой, продолжал оставаться прифронтовым городом с большим количеством военной и штабной инфраструктуры. Кстати, данные обстоятельства зачастую и фиксируются мемориальными досками. Достаточно популярное содержание ряда мемориальных досок, относящихся к периоду Великой Отечественной войны, как раз свидетельствует о нахождении в период военных действий в том или ином здании штаба той или иной дивизии или армии.

Во-вторых, Елец является городом воинской славы, что, безусловно, позиционирует его в тесной связи с мемориальной культурой войны.

В-третьих, нельзя не понимать, что городская власть пытается улавливать федеральные тренды, в рамках которых память о Великой Отечественной войне выступает важным сюжетом, с помощью которо-

го пытается позиционироваться современная российская власть.

Отсюда 49 мемориальных досок из 95 обнаруженных нами связаны с темой Великой Отечественной войны (52% мемориальных досок Ельца). Нужно отметить, что многие мемориальные доски (порядка 20) были установлены именно за последние годы, свидетельствуя об увеличении интереса власти к данной теме. Всплеск интереса отмечается в преддверии 70-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне. В частности, акция «Бессмертный полк», имеющая значительную информационную поддержку на федеральном уровне, осуществляется и в Ельце. В городе 9 мая проходит военный парад. Необходимо отметить, что к патриотическим акциям подключается большая часть населения Ельца, подтверждая тем самым, что тема Великой Отечественной войны является ситуацией, обеспечивающей широкий общественный консенсус.

Новая героика в культурном тексте Ельца. Безусловно, память о Великой Отечественной войне постепенно остывает, превращаясь в холодную память и всё более отдаляясь от рационального объяснения. Воспоминания о войне, контролируемые властью, не всегда согласуются с личной и семейной памятью. Именно об этой опасности и говорила А. Ассман, когда высказывалась о неизбежном недовольстве мемориальной культурой, стандарты которой едва ли не в одностороннем порядке задаются правящей элитой [5].

Конструируя политику памяти в отношении более или менее «горячих» событий, городская администрация действует в большей степени объективно. Возникающая необходимость постоянной патриотической подпитки городской общественности во многом разрешается с помощью апелляций к недавнему прошлому, в котором обнаруживаются как героические события, так и сами герои. В качестве примера можно привести афганскую и чеченскую кампании, память о которых фиксируется в городском культурном пространстве с помощью ряда мемориальных досок. На начало 2017 г. в городе установлено 9 мемориальных досок (9% от общего количества).

Данный сюжет мемориальной культуры имеет свои особенности. Как правило, сами доски устанавливаются на зданиях образовательных учреждений во время торжественных линеек. В данных мероприятиях заметно присутствие городской власти в специфической политической хореографии самого действия. В принципе, это вписывается в общую логику коммеморации, когда мемориальная культура определяется «сверху» и через постоянное, методическое демонстрирование. Как уже отмечалось выше, нет сомнений и необходимости апелляций к «горячей» памяти, позволяющей соотносить её с собственным опытом. Установка мемориальных досок героям афганской и чеченской кампаний призвана более эффективно заполнить героический и символический вакуум.

Культурное наследие знаменитостей. Ещё одним акцентом политики памяти в Ельце является культурное наследие знаменитых людей, чьё творчество было так или иначе связано с данным городом. Ряд мемориальных досок устанавливает связь тех или иных объектов городской архитектуры с авторитетными именами. На начало 2017 г. удалось убедиться в наличии 24 подобных мемориальных досок (около 25%).

Имена, прославившие Елец, безусловно, имеют разную известность. Некоторые из них обладают высокой узнаваемостью в рамках России (И. Бунин, М. Пришвин, Т. Хренников), другие же определённым образом ограничены своими культурными продуктами информационным локусом самого Ельца (врачи, руководители предприятий и строительных организаций и т.д.).

Становление и развитие структур информационного общества значительно корректирует культурную политику таких городов, как Елец. Узнаваемость города в федеральном контексте как раз может достигаться за счёт его ассоциирования с известными именами. Понимание культурных и экономических эффектов данных ассоциаций позволило связать ряд городских объектов с именами знаменитостей. Довольно популярным трендом это стало для образовательных учреждений. Так, классический университет, образовавшийся в Ельце из педагогического института, заявил о своей связи с именем нобелевского лауреата И. Бунина, училище искусств – с именем Т. Хренникова, детская школа искусств – с именем Л. Соколовой.

Постиндустриальный период 1990–2000-х гг. значительно подорвал елецкую промышленность. В городе в массовом порядке останавливаются некогда крупные предприятия. Мощности и пространства предприятий используются в ином назначении, в городе постепенно назревает необходимость дискуссий, связанных с джентрификацией, предполагающей жилую застройку на месте промышленной. Для городской власти становится очевидным, что необходимо использовать возможности постиндустриального времени, пытаясь сделать акцент на развитии в Ельце притягательного досугово-пространства. Региональная и городская власть периодически заявляют о достижениях, связанных с туристическо-рекреационным кластером «Елец». В рамках данного исследования не ставится задача исследовать реальные эффекты и достижения городской власти в туристическом строительстве. Тем не менее является очевидным, что именно уникальный культурный ландшафт Ельца и фактор знаменитостей выступают важными точками притяжения, вокруг которых происходит мифотворчество.

Инициативы потомков и культурная память. Не все инициативы по установке мемориальных досок в Ельце целиком и полностью принадлежат городской власти. В практиках коммеморации, направленных на фиксацию памяти своих предков, могут участвовать и благодарные потомки. Как правило, в данном случае мемориальные доски устанавливаются на тех зданиях,

которые в определённые исторические периоды были связаны с жизнью и деятельностью их родственников. Показательно, что наиболее заметным периодом является история до 1917 г. На начало 2017 г. в Ельце усилиями потомков было установлено 5 мемориальных досок (5,6%). Есть ощущение, что городская власть не препятствует подобным практикам. Наоборот, она заинтересована в ещё более тщательной разработке культурного ландшафта Ельца с помощью заинтересованных лиц, к тому же берущих на себя все расходы.

Репрессии и елецкий культурный текст. Может сложиться ощущение, что исторический и политический процесс в Ельце разворачивался более или менее органично и спокойно. Городская власть, в принципе, заинтересована в представлении елецкой истории как неизбежной смены политических режимов и элит, всякий раз приводящей к перманентным компромиссам политических акторов. Безусловно, подобная интерпретация выглядела бы чересчур идеалистично.

Развитие политического процесса всегда связывается с реальными издержками как для культуры в целом, так и для отдельного её носителя в частности. Мемориальная культура в Ельце делает осторожную попытку сопоставления героической и трагической памяти. Героическое позиционирование государства в различных формах на тех или иных этапах собственного становления и развития не могло не связываться с репрессивным давлением на отдельно взятого человека. В этом смысле, наверное, заслуживают уважения инициативы негосударственных структур, позволившие зафиксировать культурную память сопротивления системе.

На 2017 г. в Ельце установлены две мемориальные доски, вписывающиеся в сюжет памяти о репрессиях (2,1% от общего количества мемориальных досок). Обе доски установлены на храмах г. Ельца, что во многом раскрывает субъекта данных инициатив. Заметим, что городская власть несколько дистанцируется от этого, потому как чётко взвешивает имиджевые потери в случае каких-либо дискуссий по поводу трагических страниц советской истории, преемницей которой она себя периодически позиционирует. Такая осторожная тактика власти в конечном счёте сказывается на дальнейших шансах её легитимации. «Преступления против человеческих прав, не ставшие предметом публичного признания и осуждения, – медленный яд», – считает Чеслав Милош [8. С. 227]. Администрация г. Ельца в практиках коммеморации выбирает именно такой способ позиционирования. Замалчивание преступления становится тактикой правящего класса, позволяющей удерживать власть в перспективе.

Утраченные доски: способы забвения. Как уже отмечалось, судя из официального ответа городской администрации, в г. Ельце установлены 106 мемориальных досок. Данное исследование позволило убедиться в наличии 95 из них. Какова же судьба остальных 11? Каким образом они выпадали из культурного пространства Ельца? Существуют ли какие-то схожие

сценарии забвения культурной и исторической памяти? Продолжает ли общество хранить утраченную память вопреки политике городской администрации? Безусловно, вопросов здесь больше, чем ответов.

Забвение может быть связано с заметным снижением активности гражданских акторов, пытавшихся производить собственные практики коммеморации. Снижение активности можно рассматривать как в контексте их политики в целом, так и в отношении сохранения собственных текстов в частности. В Ельце есть пример установки мемориальной доски Михаилу Стаховичу на бывшем здании Елецкого земства в 2005 г. Информация об открытии мемориальной доски указывает, что «мероприятия были организованы Липецким региональным отделением «Союза правых сил» (председатель – О.Д. Дячкин) при поддержке фондов «Открытая Россия» и «Русское либеральное наследие» [9].

В настоящий момент судьба мемориальной доски остаётся невыясненной. Само здание, некогда принадлежавшее муниципалитету, всячески «навязывается» в собственность успешным елецким предпринимателям. Отсутствие интереса к данному особняку привело к тому, что здание сегодня находится в плачевном состоянии. В случае мемориальной доски М. Стаховича следует отметить, что её судьбу предопределяет состояние городской инфраструктуры и отдельных объектов, которые, казалось бы, должны являться лицом города в свете его туристических перспектив.

Есть ещё один пример того, как плачевное состояние здания сокращает культурную память, обедняя тем самым культурный ландшафт Ельца. Такова история школы № 6, вместе со своим постепенным исчезновением увлекательной в небытие героический текст. Сложно предположить, когда исчезла установленная ещё в 1967 г. мемориальная доска народному учителю А.Н. Сафоновой, стоявшей у истоков советского образования в г. Ельце. Правда, в данном случае достаточно показательным, что городская общественность до сих пор хранит память об известном педагоге. В одном из номеров городской газеты «Красное знамя» появилась информация о «елецкой героине» А.Н. Сафоновой и о «сохранившейся мемориальной доске в её честь» на здании бывшей школы № 6 [10. С. 2].

Спустя неделю редакцию «поправили» внимательные читатели. Недоумение бывшего коллектива школы № 6, вернее одного из учителей, участвовавших в 1967 г. в открытии мемориальной доски, понять можно. Автор письма в редакцию замечает, что доска была снята ещё в 2004 г., а само «здание заброшено, двор зарос бурьяном. От мемориальной доски остались только следы – отверстия от креплений! То есть единственное место в Ельце, напрямую связанное с именем А.Н. Сафоновой, позабыто-позаброшено» [11. С. 3].

Наряду с данным случаем, ставшим достоянием местных СМИ, есть и пример мемориальной доски, установленной на стене Троицкого монастыря в честь коммунаров, сопротивлявшихся конному корпусу гене-

рала К. Мамонтова в августе 1919 г. Надпись на мемориальной доске гласила: «Здесь, у стен Троицкого монастыря, 31 августа 1919 года коммунары, защищая город, героически отражали атаки мамонтовских банд». В 2009 г. активисты городского комитета КПРФ обнаружили пропажу мемориальной доски, взамен которой была установлена новая. Правда, её посыл был уже совершенно другим: «Здесь, у стен Троицкого монастыря, 31 августа 1919 года силами православного белогвардейского генерала Мамонтова за кощунство, насилие и вандализм были расстреляны коммунары». Новая интерпретация истории Ельца была моментально устранена. Впрочем, вопреки обещанию городской власти сохранить status quo и восстановить мемориальную доску, память коммунаров до сих пор не является зафиксированной [12].

Есть и примеры полного утрачивания мемориальных досок, а вместе с этим культурной и исторической памяти, в случае с частными домовладениями. Нужно понимать, что многое зависит и от городской власти, и от самих домовладельцев. Городская администрация, в принципе, в духе soft power может реально способствовать сохранению памяти. Некоторые исследователи подтверждают подобную способность администрации муниципалитетов, замечая, что на примере «городской застройки или реставрации памятников... не исключены воздействия властей на жителей города с целью принятия такой версии прошлого, которая устраивает городские власти» [13. С. 43]. Но есть и обратные примеры, когда власть отпускает ситуацию, вместе с которой пропадает и указание на некий культурный и исторический опыт. Так, в результате сноса частного домовладения на перекрёстке ул. Вити Орлова и Профинтерна под многоэтажную застройку оказалась утраченной мемориальная доска, представлявшая топонимический экскурс по елецкой героике.

Периодизация памяти: елецкий кейс. В практиках работы с памятью на примере г. Ельца можно найти и определённые закономерности. Практически всегда установка мемориальных досок соответствует политической конъюнктуре – городская администрация прекрасно понимает новые тенденции героизации и культурной политики. На наш взгляд, в практиках работы с памятью на примере г. Ельца можно выделить три этапа.

Первый этап – практики работы с памятью до 1991 г., когда доминирует советский культурный нарратив. Память о революции 1917 г. удачно синхронизируется с памятью о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Советская история является цельной. В информационном пространстве отсутствуют поводы, заставляющие сомневаться в истинности представленных властью акцентов.

Второй этап – с 1991 по 2014 г. – связан с активностью потомков ельчан, независимых краеведов и хранителей городской памяти. В этот период становятся популярными воспоминания о Российской империи и о Ельце

как купеческом городе. Частично меняется городская топография. Не случайно событийные мероприятия, целью которых является создание определённого исторического и культурного бэкграунда Ельца, конструируют Елец имперского периода. Советская история является популярной в меньшей степени, память о революционных событиях 1917 г. постепенно размывается.

Третий этап – с 2014 г. по настоящий момент. Условно можно назвать его патриотическим, поскольку он совпадает по времени с крымской повесткой и усилением самозначительности россиян на фоне роста президентского рейтинга. Городская администрация улавливает федеральные тренды и чутко следует инструкциям «сверху». Самым важным акцентом мемориальной культуры является Победа в Великой Отечественной войне, где вместо «советского» используется «российское». Необходимость в легитимационной энергии заставляет власть подключаться к подобным важным и судьбоносным событиям, тем более что Елец имеет статус города воинской славы. Власть позиционирует себя преемницей героического прошлого. Отсюда довольно серьёзное внимание к различным фор-

мам мемориальной культуры, фиксирующим память о Великой Отечественной войне. В городе проводятся акция «Бессмертный полк», военные парады и другие патриотические мероприятия, во время которых власть соблюдает «торжественную хореографию» [5]. Показательно, что начиная с 2014 г. в Ельце существенно увеличилось количество мемориальных досок, посвящённых героическому подвигу ельчан (около 20, что составляет почти 1/5 часть всех мемориальных досок г. Ельца). Открытие каждой новой мемориальной доски становится сюжетом для городских СМИ. Взятый массив мемориальных досок показывает их «горячую» температуру.

Таким образом, следует отметить, что елецкий культурный текст находится в постоянном развитии, прирастающая практиками и формами культурной и исторической памяти. Опыт практик коммеморации на примере г. Ельца показывает, что культурное пространство фокусирует на себе интересы не только городской власти как системного политического актора, но и других акторов, инициативы которых позволяют разнообразить акценты культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология политики. М. : SocioLogos, 1993. 336 с.
2. Хальвбакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
3. Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребённых. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 328 с.
4. Паустовский К. Собрание сочинений в восьми томах. М. : Худ. лит., 1970. Т. 8. 448 с.
5. Ассман А. Новое недовольство материальной культурой. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 232 с.
6. Устав городского округа города Ельца. URL: <https://elets-adm.ru/documents/ustav-goroda> (дата обращения: 20.01.2017).
7. Скиперских А.В. Политический протест в современной российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк : Гравис, 2013. 204 с.
8. Горбаневская Н. Мой Милош. М. : Новое изд-во, 2012. 440 с.
9. Стахович Михаил Александрович (1861–1923). URL: http://www.rusliberal.ru/10_09_2005.php (дата обращения: 20.01.2017).
10. Елецкая героиня // Красное знамя (Елец). 2016. № 193–194 (14 июля). С. 2.
11. Потеряли память... // Красное знамя (Елец). 2016. № 197 (21 июля). С. 3.
12. В Ельце меняют мемориальные доски на стене бывшего монастыря. URL: <http://gorod48.ru/news/18422> (дата обращения: 20.01.2017).
13. Романовская Е.В. Морис Хальвбакс. Культурные контексты памяти // Известия Саратовского государственного университета. Сер. Филология. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 39–44.

Skiperskikh Aleksandr V. National Research University (Perm, Russia). E-mail: pisatels@mail.ru

HISTORY OF THE RUSSIAN PROVINCE IN THE MEMORIAL CULTURE: POLITICAL CONSTRUCTION.

Keywords: power; memory culture; culture; legitimation; province.

In this study, the author shows how the construction of memorial culture in the modern Russian province is made. The aim of the study is to mark the dependence of the memorial culture from political context. The aim of the study involves the following tasks: 1) to study the causes of the authorities' attention to the problem of cultural memory; 2) to define the accents of politics of memory; 3) to determine the trends of memory culture in Russian province. The research is based on the works by M. Halbwachs, N. Hartmann, P. Bourdieu et al. The author pays attention to the texts of modern researchers of memory culture, like A. Assmann and A. Etkind. The continuity of history and its unity are the basis for the stability of power. The Russian government understands this, and tries to construct a cultural and political space, where historical facts supplement each other. The author shows how the memorial space in Yelets Lipetsk region can be constructed in the new cultural policy conditions. The author finds the 6 plots in which plaques concentrated historical and cultural memory. The author uses case-study method. Each of 6 plots shows us what accents can be found in politics of memory. The city is famous for its revolutionary past, famous countrymen of art and culture that have received international recognition and a number of other heroic practices of importance both for the state and the region. Many famous people lived and worked in Yelets (I. Binin, M. Prishvin, V. Rozanov, T. Khrennikov). There is no doubt that the most popular plot is connected with the Great Patriotic War. Installation of memorial plaques in Yelets has its own logic, reflecting the specific stages of political development in the USSR and modern Russia. The cultural policy of public authorities must promote unity. This problem is solved by looking at the social consensus in campaigns like "Immortal regiment". The ruling elite in the Russian political municipalities use memory for strengthening the political position. But everything may look not so optimistic. Active politics of memory is a very dangerous shift in the cultural sphere from the problems of social and economic sphere. At the same time, the city government listens to the federal trends. This underscores the opportunistic selectivity of modern politicians and calling into question the tactics and strategy of the Russian ruling class.

REFERENCES

1. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Translated from French. Moscow: SocioLogos.
2. Halbwachs, M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovenny zapas*. 2–3(40–41). pp. 8–27.
3. Etkind, A. (2016) *Krivo gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [The Wry Grief. Memory of the unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Paustovskiy, K. (1970) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Assman, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo material'noy kul'turoy* [New dissatisfaction with material culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Yelets City Administration. (n.d.) *Ustav gorodskogo okruga El'tsa* [Charter of Yelets urban district]. [Online] Available from: <https://elets-adm.ru/documents/ustav-goroda>. (Accessed: 20th January 2017).
7. Skiperskikh, A.V. (2013) *Politicheskii protest v sovremennoy rossiyskoy provintsii: struktura, dinamika, performansy (na primere Lipetskoy oblasti)* [Political protest in modern Russian province: Structure, dynamics, performances (a case study of Lipetsk region)]. Lipetsk: Gravis.
8. Gorbanevskaya, N. (2012) *Moy Milosh* [My Milos]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
9. Russian Liberal Heritage Fund. (2005) *Stakhovich Mikhail Aleksandrovich (1861–1923)* [Stakhovich Mikhail Alexandrovich (1861–1923)]. [Online] Available from: http://www.rusliberal.ru/10_09_2005.php. (Accessed: 20th January 2017).
10. Anon. (2016) “Eletskaia geroinya” [A Heroine of Yelets]. *Krasnoe znamya (Elets)*. 14th July. pp. 2.
11. Anon. (2016) “Poteryali pamyat' . . .” [Lost Memory . . .]. *Krasnoe znamya (Elets)*. 21st July. pp. 3.
12. Anon. (n.d.) *V El'tse menyayut memorial'nye doski na stene byvshego monastyrya* [In Yelets, memorial plaques are changed on the wall of the former monastery]. [Online] Available from: <http://gorod48.ru/news/18422>. (Accessed: 20th January 2017).
13. Romanovskaya, E.V. (2010) Moris Khal'vbaks. Kul'turnye konteksty pamyati [Maurice Halbwachs. Cultural contexts of memory]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 10(3). pp. 39–44.